

ПЕРВЫЯ ВОЙНЫ

МАЛОРОССИЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

Жалкое зрѣлище представляла Польша въ концѣ XVI вѣка. Со смертію Баторія какъ будто судьба произнесла надъ нею приговоръ свой. Власть короля ослабѣвала, своевольные магнаты забыли всякія границы буйству; на сеймахъ не было ладу, въ судахъ правосудія, въ управленіи порядка, въ законахъ святости. Всѣ были недовольны, отъ короля до гайдука; но нигдѣ не было такъ худо, какъ на Украинѣ. Старинныя княжескія и боярскія фамиліи негодовали на потерю своей литовско-русской самостоятельности, жалѣли о соединеніи великаго княжества съ королевствомъ, страшились за Вѣру; простой народъ до крайности былъ измученъ помѣщиками, а пуще жидами *орандарями*, которыхъ притѣсненія тѣмъ были несноснѣе, что и суда негдѣ было искать; къ тому еще буйное *жолитрство* пировало себѣ на счетъ ободранныхъ мужиковъ и, зимуя по деревнямъ, безнаказанно буйствовало. Духовенство роптало на стѣсненіе Церкви, на обиды отъ пановъ и урядниковъ, на оскорбленія отъ ксензовъ. Досталось и козакамъ на ихъ долю: запретили выходить въ походъ безъ воли Короннаго Гетмана, начали употреблять

ихъ на работы. Вѣтъ было худо, но не вѣтъ равно думали, какъ помочь горю. На примѣръ, дворянство: тѣ, которые не забыли говорить по своему, и чувствовали, что они Русскіе, хотѣли какъ нибудь уладить съ Поляками мирно: на сеймахъ, депутаціями и убѣжденіями. Но Польша умѣла ихъ проводить: дадутъ привиллегію на какія-нибудь права и вольности, да вслѣдъ за тѣмъ и пошлютъ нарушать ихъ; самъ же Король отговаривается, что все дѣлается противъ его воли, что онъ далъ привиллегію—и правъ. Духовенство еще хуже думало помочь своему горю. Безсильные мужики тайкомъ шептали: ахъ, если бы кто нибудь вступился за нихъ и *вызволилъ* изъ подъ этаго ярма! А Казаки такъ говорили во всеуслышаніе: пришла пора посчитаться съ Ляхами; коли наши права *руйнуютъ*, коли православную вѣру *вражаютъ*, такъ дадимъ же мы имъ!—Умные Казаки напередъ знали, что лаской и покорностью съ Поляками имъ ничего не выиграть и потому рѣшились посчитаться мечами и копьями.

Первое непріятельское дѣйствіе противъ Поляковъ, принятое съ цѣлію освобожденія отъ польскаго ига, оказали Казаки въ 1594 году подъ начальствомъ гетмана Криштопа Косинскаго. Этотъ Косинскій былъ шляхтичъ изъ Полесья, Полякъ родомъ и вѣрою. Не ужившись на родинѣ, онъ покинулъ ее, и вскорѣ явился въ Украинѣ. Въ тотъ вѣкъ такъ было: если человѣку худо на свѣтѣ, нѣтъ ни въ чемъ *удачи*,—иди онъ въ монастырь, или въ *Сичь*: въ монастырь онъ скроется отъ людей, въ Сичь будетъ бить ихъ. Такъ и Косинскій: пришелъ въ Сичь, принявъ православную Вѣру, а можетъ быть сказалъ, что принялъ ее, и сталъ Козакомъ. Козаку не долго подняться

вверхъ, особенно умному и храброму; Косинскій ходилъ въ Крымъ, на Дунай, воевалъ съ Татарами и Турками, пріобрѣлъ между товарищами славу и въ скоромъ времени сталъ Гетманомъ, на зло своимъ соотечественникамъ Полякамъ. Косинскій былъ первый Гетманъ, избранный вольными голосами, безъ позволенія Поляковъ, и первый сталъ доказывать значеніе своего сана. Запрещено воевать съ Татарами—Косинскій не только билъ нехристей, но еще сносился съ Московскимъ царемъ Θεодоромъ Іоанновичемъ и вызывался помогать ему въ войнахъ съ Крымцами. Но что важнѣе всего, Косинскій задумалъ освободить Украину отъ Польши, хотѣлъ быть на самомъ дѣлѣ независимымъ гетманомъ. Много молодцевъ раздѣляло съ нимъ эту мысль, а славнѣе всѣхъ его сподвижниковъ былъ Иванъ Лобода, Полковникъ Переяславскій. Козакъ душею и тѣломъ, исполнскаго росту, мужественнаго вида, страшный гуляка на пирахъ, отважный и бѣшеный рубака въ сѣчахъ—Лобода уже ни разъ задавалъ бѣды Татарамъ, усѣвалъ широкія степи буджацскими трупами; знали его и въ Молдавіи, и Валахіи, и по тотъ бокъ моря, — имя Лободы гремѣло въ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ. Но всѣ прежніе подвиги ему теперь нипочемъ. Поляки утѣсняють права козацкія, а Лобода воленъ какъ птица, родился на степяхъ, не зналъ никогда господина и знать его не хочетъ; Поляки утѣсняють православіе—а Лобода душу готовъ положить за малѣйшее оскорбленіе его святости. Услышавши о предпріятіи Косинскаго, онъ въ скоромъ времени явился на той сторонѣ Днѣпра съ огромною дружиною, набранною около Переяславля, Кіева, Лубенъ и другихъ мѣстъ; большую часть ея составляли тѣ несчаст-

ные рабы, которых польская тиранія заставляла поки-
дать женъ и дѣтей и искать въ лѣсахъ и степяхъ сво-
боды и мщенія. Войско козацкое стало подъ Тарнополемъ.
Съ каждымъ днемъ приходили къ нему новые отряды, и
уже число подчиненныхъ Косинскаго простиралось за 7000;
но Косинскій еще ничего не предпринималъ: онъ сражался
не изъ добычи, а для освобожденія Украины, и зналъ,
что въ такомъ великомъ предпріятіи надлежитъ дѣйстви-
тельно, собравшись съ силами.

Косинскій зналъ, что князь Острожскій, знаменитый
вельможа, сенаторъ, воевода кievскій, пышный и тщес-
ливый до того, что платилъ 70000 р. воеводѣ, чтобъ тотъ
стоялъ предъ нимъ разъ въ годъ, благотворительный
до того, что содержалъ 2000 бѣдныхъ дворянъ, — былъ
Русскій по душѣ и по крови, потомокъ Св. Владиміра, и
до того приверженъ къ православію, что каждый годъ въ
первую и страстную недѣлю В. Поста ходилъ въ ру-
бище, изнурялъ себя голодомъ и подвигами въ стѣнахъ
Дубенскаго монастыря. Къ нему-то послалъ Косинскій
пословъ просить помощи, надѣясь, что князь взвѣситъ
правоту его дѣла и приметъ участіе въ освобожденіи Руси.
Острожскій, вѣроятно довольный лестью гетьманскихъ
пословъ, обошелся съ ними ласково, но не согласился на
предложеніе Косинскаго. Козацкій предводитель хотѣлъ
сильно заставить князя участвовать въ освобожденіи
отечества, вторгся во владѣнія Острожскаго, началъ на-
бирать его подданныхъ въ свои ряды, непослушныхъ
вызывалъ и угрожалъ князю. Острожскій устранился,
собралъ подчиненную себѣ шляхту; сосѣдніе паны присла-

ли ему помощь въ людяхъ; а сынъ его Янушъ, заклѣтый папистъ, привелъ изъ Волыни отличныхъ копейщиковъ или гусаръ. Войско польское, неизвестно какъ велико, двинулось противъ козаковъ. Косинскій между тѣмъ разослалъ прокламацію по всей Украинѣ, призывая народъ къ возстанію; а самъ выступилъ изъ Тарнополя, подошелъ къ Пяткову и окопался. Сила Острожскаго казалась ему ничтожною. Чтобы не терять времени, онъ отрядилъ Лободу съ значительнымъ количествомъ козаковъ въ сосѣднія мѣста набирать ополченія, заготавливаясь на-далѣе, а самъ думалъ съ остаткомъ прогнать Острожскаго.

Оплошность и самонадѣянность Косинскаго допустила Острожанъ приблизиться къ окопамъ: началась перестрѣлка. Можетъ быть, несогласія въ козацкомъ войскѣ, можетъ быть, неожиданная тактика противниковъ, а можетъ быть что-нибудь другое, непереданное намъ лѣтописями, перемѣнило судьбу сраженія въ пользу Острожскихъ, которымъ въ началѣ грозило разбитіе. Какъ бы то ни-было, но Янушъ съ своими гусарами такъ ловко ударилъ на козаковъ, что тѣ никакъ не могли удержать напора ихъ длинныхъ копій; бились-бились, хотѣли вырваться изъ окоповъ — имъ не дали; 3000 легло на мѣсть.... вдругъ появилось войско Лободы — Острожане отступили (*). Косинскій хотѣлъ поправить свою ошибку, и въ самомъ дѣлѣ уже по всей Украинѣ поднималъ мятежъ, пользуясь благоприятнымъ временемъ; потому что польское войско было за-

(*) Лубенскій говоритъ, что будто Косинскій отдался въ плѣнъ и князь простилъ его. Это принадлежитъ къ такимъ же вѣроятнымъ сказаніямъ, какъ и то, что будто у Острожскаго было всего на-всего 500 человекъ (!!).

нято; надѣялся дѣйствовать осторожнѣе и благоразумнѣе; надѣялся многого—вдругъ лазутчики внезапно схватили его...

Каковъ былъ конецъ Косинскому, объ этомъ лѣтописи говорятъ разнo. Но вообще всѣ согласны въ томъ, что онъ погибъ насильственною смертію.

Косинскаго не стало; но во всѣхъ концахъ южной Руси начались мятежи. Появились гайдамаки—смѣсь пришлецовъ со всѣхъ сторонъ свѣта съ Украинцами, которыхъ польское самовластіе вывело изъ терпѣнія; по городамъ и деревнямъ убивали Жидовъ и Поляковъ; въ Кіевѣ разорили католическій монастырь; въ Переяславлѣ Лобода отправилъ кровавую тризну надъ падшими подъ Пятковымъ. Крестьяне бунтовали противъ польскихъ помѣщиковъ и заставляли многихъ оставлять свои имѣнія и бѣжать къ трону Сигизмунда испрашивать защиты.

Но Сигизмундъ былъ тогда въ Штокгольмѣ. Враги Польши, пользуясь временемъ, принялись вредить ей. Изъ внутреннихъ враговъ опаснѣе былъ Лобода: онъ неутомимо раздувалъ въ Украинѣ пламя возстанія, и уже слава его дошла до нѣмецкаго императора. Рудольфъ вздумалъ употребить этого челоуѣка въ свою пользу и послалъ къ нему хоругвь, дары и деньги, прося рыцарей-козаковъ разорить юрьевскую ярмарку. Императоръ имѣлъ здѣсь двѣ цѣли: во первыхъ повредить Польшѣ, потому что Турки не оставятъ разбоя этого безъ наказанія; во вторыхъ отклонить отъ себя силу невѣрныхъ, по крайней мѣрѣ раздѣлить ее. Лобода обрадовался такому предложенію: если онъ сдѣлаетъ набѣгъ на турецкія владѣнія, Турки нахлынутъ на Польшу. Къ Лободѣ присталъ еще какой-то Хлопицкій, жившій нѣкогда при дворѣ Стеф. Баторія. Съ

3000 козаковъ отправились они въ походъ, дошли до Бѣлграда; отъ него недалеко лежало и мѣстечко Юрьево. Въ самое то время была ярмарка, знаменитая и великолѣпная въ томъ вѣкѣ. Козаки неожиданно напали на Юрьево, обратили его въ пепель, грабили, опустошили ярмарку и возвратились съ богатою добычею. Вскорѣ Хлопицкій былъ пойманъ, но убѣжалъ снова, и скрылся въ Германію.

Рудольфъ нѣсколько ошибся въ расчетахъ; Лобода остался съ лучшимъ выигрышемъ. Турки, понимая дѣло такъ, что австрійскій дворъ научаетъ Польшу вредить имъ, послали въ Венгрію войско, которое, встрѣтивъ сначала сопротивленіе въ Мансфельдѣ, послѣ того разбило на голову австрійское войско подъ начальствомъ эрцгерцога Матѳея. Немного утѣшенія римскому цезарю.

Гораздо болѣе утѣшенія козацкому Полковнику. Орда Татарская явилась въ Молдавію, а оттуда поворотила на Покутье: Енятинъ, Закусъ, Глумачъ обращены въ пепель; немногочисленные отряды подъ начальствомъ Потоцкаго и Влодека не могли остановить ихъ; Татары разорили Тышмѣниццу и Коложу и разсѣялись по Червоной Руси; все жгли, истребляли, умерщвляли людей, вопреки обыкновенному своему обычаю забирать въ плѣнь, и только щадили женщинъ и дѣвушекъ. Чермная Русь покрылась кровью и пепломъ. И теперь еще нельзя безъ состраданія читать народныхъ пѣсень того времени, гдѣ описывается, какъ плѣнныя дѣвушки бѣжали босикомъ по песку и камнямъ, съ веревками на шеяхъ, жалуясь, что ихъ русыя косы уже не расчесываетъ мать, а растрепываетъ Татаринъ бичемъ.

Сигизмунда еще не было. Каницлеръ Замойскій, управ-

явившій въ отсутствіе его королевствомъ, одинъ изъ величайшихъ мужей своей націи, послалъ прокламацію къ сенаторамъ и панамъ, представляя, что Речи Посполитой угрожаетъ опасность, и умолялъ ихъ собрать свои войска и спѣшить на защиту отечества. Иные читали прокламацію и хвалили, другіе притворялись, будто за отдаленностію мѣста не получили ее; Великополяне и Поморяне, зная, что до нихъ Татарамъ далеко, говорили, что если имъ нѣтъ опасности, то зачѣмъ они и пойдутъ.

Замойскій издалъ новую прокламацію, подъ назв: *de publica negligentia*, въ которой черными красками изобразилъ польскую шляхту. Но и это не помогло. А между тѣмъ Татары подвигались далѣе и далѣе: уже Покутье и часть Чермной Руси опустошили до крайней степени; уже проникли въ Волинь, разливая пламя и засывая трупами равнины украинскія, а Поляки все были хладнокровны къ бѣдѣ соотечественниковъ. Только тѣ паны, у которыхъ на югъ были имѣнія, собрали отряды, и то уже тогда, когда имъ грозила видимая опасность. Такимъ образомъ, Янушъ, Князь Збаражскій и Юрій Мнишехъ, воевода Сандомирскій, соединились съ Замойскимъ подъ Самборомъ и перерѣзали дорогу варварамъ. Татары отступили. Замойскій искусно прогналъ ихъ въ Венгерскую землю и наконецъ очистилъ Русь отъ злодѣевъ.

Украинцы, потерпѣвшіе отъ Татаръ, оставшіеся безъ хлѣба, безъ пристанища, жаловались на судьбу, роптали на Польское правительство, требовали вспомоствованія, и не получая его ниоткуда, неистовствовали. Къ большому огорченію разоренныхъ, къ большому страху тѣхъ, до которыхъ не достигло разореніе, разносился слухъ, что

Татары снова хотять ворваться въ Королевство. Но вотъ прѣхалъ и Король; собрали сеймъ, положили предпринять мѣры противъ татарскихъ набѣговъ; а нѣкто Язловцкій намѣревался проникнуть въ Крымъ и послать просить участія козаковъ, надѣясь, что жажда добычи увлечетъ ихъ.

Худо понимали Ляхи козаковъ: Лобода посмѣялся, помянулъ ихъ обѣщаніемъ и отправился вмѣсто Крыма въ Молдавію, гдѣ ограбилъ и разорилъ Яссы. Посланные противъ него польскіе отряды были разбиты козаками подъ Ямполемъ. Козаки разсыялись по Волынѣ, Подоли, Чермной Руси; къ нимъ присоединились разоренные Татарами, бездомные и сирые, гонимые за вѣру, всякаго рода удалцы, недовольные осѣдлою жизнію. Пламя обхватило всю Украину. Козаки брали города, и жители принимали ихъ, какъ избавителей: вырѣзывали гарнизоны, въшали и топили Жидовъ ко всѣмъ прежнимъ причинамъ неудовольствій присоединилась еще новая важнѣйшая: тогда уже распространялась Унія и отдавались на поруганіе православныя церкви.

Между тѣмъ Польшѣ грозила внѣшняя опасность: Седмиградскій князь Баторій покусился овладѣть Молдавіею, но былъ прогнанъ Турками; и Султанъ положилъ обратить Молдавію въ турецкую провинцію. Замойскій предвидѣлъ, что если Турки раздвинутъ свои владѣнія по Днѣстръ, тогда у Польши подъ бокомъ будетъ злой врагъ, всякій часъ готовый нанести ей опустошеніе. Чтобы предупредить такое бѣдствіе, надобно было не допустить Турковъ овладѣть Молдавіею; и вотъ Замойскій отправился въ эту страну, и возвелъ на престолъ князя Іеремію Могилу, обя-

завишагося быть въ послушаніи у польской Короны. Но во время блестящихъ успѣховъ войскъ польскихъ въ Молдавіи, Лобода съ пятью полками козаковъ выступилъ противъ высланныхъ на него Поляковъ и разбилъ ихъ. Сраженіе произошло у Пяткова, на томъ самомъ полѣ, гдѣ легли воины Косинскаго. Оттуда Лобода ушелъ на Днѣпръ, собралъ на Бугаевской радѣ старшинъ; — положили избрать гетьмана.

Между предводителями гайдамацкихъ шаекъ, бродившихъ по южной Руси, славился больше всѣхъ одинъ, по имени Павло Наливайко. Родитель его былъ купцемъ въ Острогъ; старшій братъ служилъ въ замкѣ князя Константина Острожскаго протопопомъ, — меньшей занимался пушною торговлею; Наливайко полюбилъ козачество и войну. У него подъ начальствомъ было многочисленное войско, составленное изъ разнаго рода несчастныхъ, обиженныхъ неустройствами и притѣсненіями, и пришлецовъ, которые, не уживаясь на родинѣ, искали убѣжища въ степяхъ Украины.

Наливайко ходилъ въ Седмиградскую область, сносился съ эрц-герцогомъ Максимиліаномъ, и на возвратномъ пути чрезъ Галицію предавалъ огню и мечу враговъ православія и козачества. Его-то избрали козаки гетьманомъ, съ уговоромъ, что бы онъ слушался рады, коей первыми членами были Лобода, Овара полковникъ Гадяцкій и хорунжій Шашка. Горько было Лободѣ: ему, бывшему столько лѣтъ представителемъ козачества, предпочли новичка. Но Лобода скрѣпилъ сердце и хотя выказалъ сильное огорченіе и удалился съ своею дружиною, однако не запятналъ себя непріязненными дѣйствіями. Отправясь съ хо-

ружикомъ Саулою въ Кіевское воеводство и Малороссію по сю сторону Днѣпра, онъ очипцалъ этотъ край отъ польской шляхты, занималъ города, ежедневно увеличивая свои ряды бѣглыми, особенно отъ князей Острожскихъ и Вишневицкихъ. Вскорѣ Саула отправился въ Бѣлоруссію.

Прочія козацкія дружины разсѣялись по Волынѣ, Подоль, Покуть, разорили Самборъ, Луцкъ, Брацлавъ, Могилевъ на Днѣстрѣ; королевскіе и панскіе замки были превращаемы въ пепелъ; козаки налетали на безпечныхъ пановъ и истребляли ихъ среди веселости, танцевъ и забавъ. Прежде богатые и сильные магнаты теперь являлись въ Польшу бѣдными бѣглецами, лишенные всего, счастливые и тѣмъ, что удалось спасти жизнь. Радостная вѣсть освобожденія распространилась по Руси: Волынѣ и Бѣлоруссіи поднимались. Наливайко направилъ туда свой походъ. Прошедши нынѣшнюю Минскую губернію, онъ достигъ Могилева на Днѣпрѣ, осадилъ его и требовалъ сдачи города. Могилевъ былъ почти исключительно наполненъ Поляками и Уніатами, которые рѣшились обороняться. Козаки пошли на приступъ; гарнизонъ польскій не выдержалъ натиска и погибъ въ сѣчѣ; Жида и Уніаты перерѣзаны и перетоплены; Могилевъ сгорѣлъ до послѣдней избы, городъ богатый и славный своими мануфактурами и торговлею. Только обгорѣлые пни и колоды возвѣщали о горѣ, постигшемъ ляхское племя; только орлы и змѣи, потѣшаясь богатствомъ яствъ, объѣдались вражьими тѣлами. Но не одинъ Могилевъ — и другіе города испытали подобную участь, — всюду разлилось возмущеніе, вездѣ производились пожары и убійства: дымъ и паръ донеслись до польскаго двора. Посланъ былъ гонецъ

въ Молдавію, съ предписаніемъ Гетьману Жолкѣвскому немедленно возвратиться въ Русь для усмиренія мятежниковъ.

Наливайко, раздѣлавшись съ бѣлорусскими Жидами и Уніатами, опять кружилъ по Подоли и Покутьѣ, вѣроятно набирая новыхъ охотниковъ. Тамъ онъ слышалъ о приближеніи Жолкѣвскаго. Это было въ февраль 1596 года. Польская армія была въ незавидномъ положеніи: изнуренная походами, не успѣвъ отдохнуть на постояхъ, она должна была еще терпѣть отъ жестокой зимы, бывшей въ томъ году. Наливайко не хотѣлъ вступитъ съ Поляками въ сраженіе, а принималъ иную тактику: думалъ изнурить еще болѣе непріятеля и заставлялъ Жолкѣвскаго по цѣлымъ днямъ и ночамъ гнаться за козаками, а самъ бросался во всѣ стороны. Такъ, допустивъ къ себѣ Поляковъ въ Лабуніовичахъ, сей часъ ушелъ къ Острополю. Не успѣлъ гетьманъ съ своими изнуренными солдатами дотащиться до этого города — уже Наливайко съ своими залетными козаками шелъ по дорогѣ къ Пикову. Только арьергардъ малороссійскій, занявъ селеніе Мацейовичи, безпечно предавался пьянству. Ночью неожиданно напали на нихъ Поляки, требовали сдачи; козаки рѣшились драться, но спяна ничего не могли сдѣлать. Жолкѣвскій зажегъ деревню; козаки были истреблены, иные взяты въ плѣнъ.

Между тѣмъ Наливайко прибылъ въ Пиковъ. Жолкѣвскій за нимъ гнался и остановился въ Острополь: войско не могло далѣе идти; притомъ же и лошади, искалѣчивъ себѣ ноги по снѣгу и гололедицѣ, требовали хоть сколько нибудь отдыха и корма. Переночевавъ въ Острополь, Поляки рано утромъ выступили, дошли до Пикова, и Жолкѣвскій къ сильной досадѣ узналъ, что Наливайко назадъ

тому пять часовъ пошелъ по брацлавской дорогѣ. Во что бы то ни-стало, Жолкъвскій рѣшился догнать его и усиленнымъ маршемъ думалъ перерѣзать ему дорогу. Цѣлую ночь, цѣлый день послѣ того шли Поляки безъ отдыха и къ вечеру дошли въ селеніе Домбровку, на рѣчкѣ Ольшанкѣ. Люди и лошади пропадали не ѣвши; войско рѣшительно было неспособно къ битвѣ. Козаки повернули съ брацлавской дороги на другую, почти въ виду непріятеля, который гонится за ними, догоняетъ, — и ничего не можетъ сдѣлать. Рано утромъ образумился Жолкъвскій, но узнавъ отъ схваченныхъ козаковъ, что ихъ предводитель перешелъ рѣку Собъ и пустился по дикой уманской степи.

Что думалъ Наливайко? Почему не вступилъ въ сраженіе при Ольшанкѣ? Можетъ быть, зная горячность Жолкъвскаго, Наливайко надѣялся, что онъ и туда за нимъ погонится: въ такомъ случаѣ вѣрный успѣхъ былъ бы на сторонѣ Малороссіянъ. Что могло сдѣлать въ безлюдной степи, зимою, безъ всякаго продовольствія, польское войско, истощенное уже и безъ того до крайности длинными и бесполезными походами? Козакамъ степь и всѣ лишенія ничемъ — степь была имъ довольно извѣстна; Полякамъ же, изнуреннымъ переходами отъ деревни до деревни, начать переходы изъ яра въ яръ, изъ дебри въ дебрь — значило идти на явную гибель. Тамъ бы не медлилъ Наливайко, не избѣгалъ бы сраженія, а принудилъ по неволѣ Поляковъ биться; и едва ли бы самъ Жолкъвскій не остался на снѣгахъ, безъ погребенія, добычею хищныхъ звѣрей! Никто изъ козаковъ не проникъ хитраго намѣренія вождя: онъ со всею малороссійскою скрытностію хранилъ его въ

глубинѣ души своей; его подчиненные имѣли къ нему полную вѣру и простодушно говорили: Тільки Богъ свѣтъ знае, що Наливайко думає-гадає!

Однако при всей хитрой тактикѣ, при всемъ умѣньи скрывать свои намѣренія, прикидываясь въ глазахъ Поляковъ трусомъ, показывая видъ, будто, не смотря на значительное количество своего войска, онъ не смѣетъ вступить въ сраженіе, и тѣмъ возбуждая во врагахъ самонадѣянность, Наливайку не удалось. Наливайко хитрилъ и перехитрилъ. Жолкѣвскій не рѣшился слѣдовать въ сѣговья степи, и размѣстилъ свое войско по деревнямъ, лежащимъ на границѣ степи, распустилъ слухъ, что скоро выступитъ, отдыхалъ и дожидался свѣжихъ силъ.

Такъ стояли нѣсколько недѣль два непріятельскія войска, раздѣленные сѣгами и дебрями. Положеніе наливайкова войска было пренесносное. Козаки расположились на той сторонѣ рѣки Чорни-Воды, питались конскимъ мясомъ, а лошадей кормили прутьями. Предводитель, опасаясь за жизнь свою, (потому что между козаками начинался ропотъ), искалъ средствъ, какъ бы выйти изъ степи и послалъ двухъ гонцевъ: одного къ Струсю, брацлавскому старостѣ, съ прошеніемъ помирить его съ Жолкѣвскимъ, надѣясь тѣмъ выиграть время и соединиться съ Лободою; а другого послалъ къ Лободѣ, прося соединиться съ нимъ и забыть старыя неудовольствія. Жолкѣвскій, не получая до тѣхъ поръ подкрѣпленій, желалъ прекратить войну; но проникая хитрыя намѣренія Наливайка, не принявъ его предложенія, а послалъ къ Лободѣ, какъ истинному козаку, а не атаману гайдамацкой шайки, обѣщая ему королевскую милость и прощеніе въ случаѣ покорности.

Лобода, въ то время, какъ Жолкъвскій гнался за Наливайкомъ, грабилъ Баръ и его окрестности съ 700 козаковъ и отсюда пришелъ въ Бѣлую-Церковь. Тамъ онъ встрѣтилъ гонцевъ отъ Жолкъвскаго и Наливайка. Съ Наливайкомъ нечего было постановлять условій, потому что Лобода и не думалъ ему вредить; а что касается до гонца Жолкъвскаго, то, по опредѣленію рады, онъ былъ отправленъ безъ отвѣта. Козаки подъ начальствомъ Саулы соединились съ войскомъ Лободы, и все ополченіе отступило къ Кіеву.

Между-тѣмъ на помощь Жолкъвскому, который уже стоялъ въ Пиковѣ, шелъ князь Рожинскій съ свѣжимъ отрядомъ и получилъ отъ него на дорогѣ предписаніе остановиться въ Паволочѣ, городѣ важномъ по своему положенію и укрѣпленномъ самою природою. Рожинскій, собравши около себя разоренныхъ украинскихъ пановъ, ловилъ козаковъ и умерщвлялъ. Дошла молва до Кіева. Собрана рада: послали Шашку съ 3000 разорять имѣнія Рожинскаго; самъ же Лобода отправился въ Переяславль, а въ Черкасахъ былъ уже и Наливайко. Шашка сталъ въ Хвастовѣ и послалъ осведомиться о силѣ непріятеля 300 человекъ передней стражи. Рожинскій не утерпѣлъ, не выполнилъ повелѣнія гетьмана, выскочилъ изъ Паволочи и разбилъ стражу. Шашка побѣжалъ назадъ, можетъ быть думая, что у Рожинскаго много войска, а можетъ быть и довольный тѣмъ, что выгналъ его изъ Паволочи. Вслѣдъ за тѣмъ 8000 козаковъ подвинулось къ Бѣлой-Церкви.

Рожинскій не пошелъ уже назадъ въ Паволочѣ, хотя, какъ увѣряють, у него было войска не болѣе тысячи; но спѣшилъ занять Бѣлую-Церковь. По мнѣнію Поляковъ,

ему следовало бы запереться въ Бѣлоцерковской крѣпости и ожидать тамъ Жолѣвскаго; но Рожинскій не любилъ медлить.

Вечеромъ 2 апрѣля, Савула съ авангардомъ расположился таборомъ около Бѣлой-Церкви. Рожинскій намѣревался ночью сдѣлать вылазку и напасть неожиданно на козацкій таборъ. Наливайко съ 3000 козаковъ думалъ ночью устремиться на городъ и крѣпость и перебить сонныхъ Поляковъ. Ночь была темная и ненастная. Рожинскій вышелъ съ Поляками изъ города, а Наливайко съ козаками вошелъ въ городъ въ отворенныя ворота. Враги не распознали одни другихъ, по причинѣ чрезвычайной темноты. Поляки, идучи на звуки трубъ и отклики вождей, при помощи факеловъ, дошли до табора; Рожинскій велѣлъ ударить изъ пушекъ, — козаки встрепенулись, таборъ снялся. Поляки, думая, что враги обратились въ бѣгство, пустились въ погоню, стрѣляя и махая саблями; но Савула, сдѣлавши движеніе къ рѣкѣ Рудавкѣ, возвратился на прежнее мѣсто. Наливайко, принявшись было грабить беззащитный городъ и умерщвлять испуганныхъ козаковъ, услышалъ выстрѣлы, бросилъ грабежъ и поспѣшилъ на помощь Савулѣ. Поляки долго искали козаковъ и Рожинскій велѣлъ поворотить къ взятому, какъ думалъ, козацкому обозу, какъ вотъ начала заниматься заря, — яснѣе, яснѣе — и Рожинскій увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ козаками. Бой былъ неравный.

Только храбрости Рожинскій одолженъ спасеніемъ жизни своей и сохраненіемъ горсти пѣхоты. Сомкнувшись тѣсною стѣною, предводимые имъ Поляки прорвались сквозь ряды козаковъ и ушли въ крѣпость, гдѣ поспѣшно заперлись.

Множество было побито. Вообще спасеніе это не дешево обошлось Рожинскому.

Козаки принялись тотчасъ за осаду Бѣлой-Церкви. Но между тѣмъ Жолкѣвскій, стоя въ Трилесьѣ, въ трехъ миляхъ отъ Бѣлой-Церкви, слышалъ звукъ орудій, узналъ отъ схваченныхъ козаковъ о пораженіи Рожинскаго и поспѣшилъ къ нему на помощь. Козаки, завидѣвши съ высокихъ кургановъ польское войско, сняли осаду и поспѣшно отступили. Жолкѣвскій приходитъ на поле сраженія — и видитъ груды убитыхъ. Грустно стало ему. Но послѣдовать за козаками тотчасъ онъ не рѣшился, не приведши въ порядокъ своего войска и не усиливши его новыми отрядами. И по тому началъ устроить свои ряды такимъ образомъ: поставилъ четверугольникомъ шестнадцать рядовъ пѣхоты, — въ срединѣ стояли возы; въ углахъ и концахъ 24 полевыхъ орудія; конница расположена была частію напереди, частію по бокамъ, частію сзади. Въ такомъ видѣ, подкрѣпившись новыми силами, выступили Поляки.

Козаки, которыхъ число безпрестанно увеличивалось, расположились по разнымъ мѣстамъ. Самъ Наливайко съ большимъ количествомъ войска отодвинулся къ Чигирину; съ нимъ были дружины Лободы и Овары, всего 20000 войска, исключая гайдамаковъ, изъ которыхъ многіе пошли по Украинѣ, но многіе остались при главномъ обозѣ. Атаманъ Тетеря съ сыномъ заняли Каневъ; Шашка былъ на переди и первый встрѣтилъ Жолкѣвскаго. Завязалась битва жестокая, кровавая. Какъ ни искусно были устроены Поляки, однако ихъ гусары ничего не могли сдѣлать козацкому табору. Много дворянъ польскихъ пало въ бою;

потеря по числу вонновъ была для Поляковъ очень чувствительна. Козаки удержали за собою поле; но лишились въ свою очередь Шанки, вождя храбраго и умнаго. Жолкъвскій поворотилъ къ Каневу. Козаки не слушались стараго своего атамана, говорившаго имъ: «глядѣть, не була-бъ потеря», и заставили его выйти на сраженіе. Поляки разбили ихъ; а самаго Тетерю взяли въ плѣнь и продали Туркамъ. Жолкъвскій разорилъ многія козацкія населенія, разбилъ еще нѣсколько разъ ихъ отряды и двинулся къ Чигирину, гдѣ стояло генеральное войско. Походъ этотъ былъ довольно медленъ; разосланные для укрощенія козаковъ отряды собирались постепенно, не разомъ; внешнее половодье разломало мосты, и переправы стали неудобны не только чрезъ рѣки, но даже чрезъ большіе ручьи. Дошедши до Тясмина, Поляки стали, окопались, направили пушки и приготовились къ бою. Козацкое войско также изготовилось. Оно было раздѣлено на три отдѣла: центромъ начальствовалъ Наливайко, лѣвымъ крыломъ Лобода, правымъ Овара. Поляки, какъ-бы желая устрасить заранѣе непріятеля, выставили въ виду его три *хреста*: на двохъ висѣли тѣла двухъ козацкихъ предводителей — *Богуна и Соминѣ*, съ надписью: «Кага buntowców», третій оставался пустымъ, какъ будто еще кого-то не доставало. Козацкая рада велѣла выставить въ отвѣтъ Полякамъ хоругвь съ надписью: вірному Христіянству миромъ миръ; а Ляхамъ-ворогамъ пекельный пиръ; въ кого хрестъ — на того й хрестъ.

Началась битва и продолжалась семь часовъ. Поляки устремились на правое крыло Овары, отрѣзали его, смяли, — и самъ Овара лишился жизни. Но мужество другихъ

предводителей и храбрость козаков поправили первую оплошность и неудачу. Наливайко съ своимъ центромъ ударилъ стѣною на Поляковъ; вслѣдъ за тѣмъ Лобода выскочилъ изъ своего поста, и вспомоцествуемый свѣжимъ засаднымъ войскомъ, бросился на непріятеля съ другой стороны. Поляки смѣшались, разстроились и обратились въ бѣгство. Козаки гнали ихъ за ними, били, кололи, утопшихъ изъ рѣки вытаскивали и изрубивали: таково было ихъ ожесточеніе; попадавшихъ въ плѣнъ безчеловѣчно умерщвляли; просьбы и стоновы не слушали. Радовалась вся Украина, слыша, какъ на «*Чигринскій сичъ кравчина католикамъ похмѣлья задала!*»

Пристыженный Жолкъвскій убѣжалъ въ Бѣлую-Церковь, откуда разослалъ приказы о доставленіи новаго войска. Вскорѣ въ польскій станъ явилось множество охотниковъ, а изъ Молдавіи прибылъ съ значительными силами полоцкій староста Каменецкій. Козацкое войско напротивъ уменьшалось. Большая часть козаковъ разсѣялась снова по Украинѣ. Съ Наливайкомъ и Лободою осталось всего до 10,000. Жолкъвскій, зная, что въ Переяславѣ козаки оставили свои семейства, орудія и войсковую скарбницу, замыслилъ переправиться чрезъ Днѣпръ и напасть на Переяславъ. Молва объ этомъ дошла въ козацкій станъ. Наливайко и Лобода предупредили Жолкъвскаго; переправились за Днѣпръ; истребили за собою всѣ суда, и, услыша, что жители Кіева доставляютъ въ станъ лодки для переправы Полякамъ, которыхъ Жолкъвскій хотѣлъ вести въ погоню за козацкимъ войскомъ,—отправились наказать Кіевлянъ; но увидѣли на противоположномъ берегу Жолкъвскаго съ войскомъ подъ самымъ Печерскимъ монастыремъ. Новыя

запорожскія полчища, плывшія подъ Кіевъ на чайкахъ подъ начальствомъ атамана Подвысоцкаго, были разогнаны бурей и польскою артиллеріею, искусно поставленною на берегу. Жолкъвскій отрядилъ Потоцкаго въ Триполь съ препорученіемъ переправиться въ томъ мѣстѣ черезъ Днѣпръ и напасть на Переяславль; а самъ чрезъ лазутчиковъ пустилъ объ этомъ молву между козаками, желая какъ-нибудь ихъ отвлечь отъ берега, противоположнаго Кіевскому, гдѣ стоялъ самъ. Разставленная козаками по дорогѣ стража увидѣла на той сторонѣ Днѣпра воловъ и возы, наполненные лодками и заявила объ опасности предводителямъ. Безпокоясь за свои семейства, козаки снялись съ луга, гдѣ стояли, и поспѣшили къ Переяславлю. Этого-то Жолкъвскому и хотѣлось. Собравъ свои челны, онъ, тотчасъ, по слѣдамъ козаковъ, переправился за Днѣпръ и вскорѣ козаки узнали, что за ними идетъ сильное войско.

Что дѣлать? Запереться въ Переяславль — нельзя. Переяславская крѣпость очень ненадежна; козаки подвергаются опасности быть стѣсненными съ двухъ сторонъ: здѣсь войско Жолкъвскаго, на другой сторонѣ Днѣпра войско Потоцкаго; да и чѣмъ кормить лошадей, которыхъ было болѣе 10,000. Козаки разсудили лучше двинуться далѣе съ своими семействами и сокровищами, надѣясь, что если войско польское не погонится за нимъ, а пойдетъ назадъ, то они могутъ свободно напасть на него съ тылу; а если погонится, то хитрыми увертками его можно изнурить еще лучше, чѣмъ въ Заднѣпровьѣ, и нагнать на удобное мѣсто, гдѣ можно напомянуть Полякамъ чигиринское дѣло. Но Жолкъвскій проникнулъ ихъ планы и допустилъ выйти изъ Пере-

Часть III.

яславля. Забравши своихъ женъ, дѣтей и имѣнія, они думали перевести ихъ въ Лубны, мѣсто неприступное и твердое; но пришедши туда, не сломали за собою моста на Суль. Жолкѣвскій, соединившись съ Потоцкимъ, поспѣшилъ за ними къ Лубнамъ.

Войско польское остановилось въ Тохуцинѣ въ 20 миляхъ отъ Лубенъ, откуда коронный гетьманъ написалъ жителямъ этого города письмо, въ которомъ обѣщалъ имъ Королевскую милость, если они не сломаютъ моста и задержатъ козаковъ въ стѣнахъ своихъ.

Между-тѣмъ узналъ Жолкѣвскій, что въ мѣстечкѣ Горошинѣ Сула очень удобна для переправы и, располагая, чтобы во время нападенія на Лубны съ другой стороны стояло польское войско, послалъ туда старосту брацлавскаго Струся съ его отрядомъ. Струсъ пошелъ прямо полемъ, не сказывая даже ничего и своимъ подчиненнымъ, и, пришедъ на мѣсто переправы, велѣлъ подѣлать изъ камыша плоты, изготовилъ маленькія лодочки, и такимъ образомъ переправился на другой берегъ. Между-тѣмъ войско польское усилилось нѣсколькими рядами литовской конницы, предводимой Богданомъ Огинскимъ подкоморіемъ троцкимъ, который встрѣтился съ Жолкѣвскимъ за 6 миль отъ Лубенъ. Поляки ускорили походъ; Жолкѣвскій отрядилъ авангардъ подъ начальствомъ Бѣлицкаго, который шелъ форсированнымъ маршемъ день и ночь, и наконецъ увидѣлъ на высокой горѣ крѣпость. Козаки, завидя приближающихся Поляковъ, бросились разламывать мостъ; но Бѣлицкій пустилъ на нихъ такую

тучу стрѣль и пуль, что они кончили свою работу, ушли изъ города и расположились за милою отъ рѣки Сулы на урочищѣ Солоницѣ. Бѣлицкій вошелъ въ городъ.

Тогда Струсь, выбравъ изъ своей конницы двухъ отборныхъ ѣздоковъ, послалъ къ гетману съ донесеніемъ о своемъ прибытіи, и просилъ, какъ скоро Жолкъвскій явится въ городъ, то чтобы пушечнымъ выстрѣломъ дать ему знать, когда броситься на непріятеля. Черезъ нѣсколько времени загремѣла пушка—и Струсь выскочилъ изъ своей засады. Пыль встала отъ лошадиныхъ копытъ — козаки думали, что это Татары; но вскорѣ узнали свою ошибку и увидѣли себя окруженными спереди и сзади. Страхъ и замѣшательство всеми овладѣли; не знали, что дѣлать. Лобода, чтобы дать Радѣ время на что-нибудь рѣшиться, послалъ просить Струся дозволить начать переговоры. Струсь согласился, потому что еще Жолкъвскій не прибылъ къ Солоницѣ. Козаки долго спорили; одни говорили бѣжать въ степь, другіе представляли имъ неудобства побѣга и совѣтовали лучше оградиться окопами и защищаться. Больше всего беспокоили и мѣшали козакамъ женщины и дѣти: они боялись тащиться съ ними въ дикія степи. Последнее мнѣніе превозмогло, и козаки остались на мѣстѣ и укрѣплялись. Между-тѣмъ прибылъ и Жолкъвскій. Тогда Струсь не хотѣлъ слушать никакихъ уговоровъ, и Поляки окружили козаковъ такъ, что они лишились и воды и пастбищъ.

Четырнадцать дней длилась эта страшная осада, четырнадцать дней гремѣли пушки и звучали сабли; козаки доведены были до последней крайности, но сносили ее съ удивительнымъ присутствіемъ духа: безъ хлѣба, соли и воды,

питаясь вонючимъ лошадинымъ мясомъ, съ каждымъ днемъ теряя лучшій цвѣтъ своего юношества, безъ всякой надежды, они не только не думали сдаваться, но дрались храбро, мужественно и радовались тому, что и враги ихъ терпятъ: много уже молодыхъ дворянъ, потомковъ знаменитыхъ фамилій, легло на валу; сильно измучены были польское войско и предводители трудами и бдѣніемъ. Долго козаки терпѣли, — но терпѣнію пришелъ конецъ. Когда Жолкъвскій велѣлъ насыпать высокіе курганы и съ нихъ безпрестанно палили изъ пушекъ, и ядра ежеминутно убивали женъ и дѣтей въ глазахъ мужей и отцовъ: такія зрѣлища больше, чѣмъ всякія лишенія пищи, отняли у нихъ силу, храбрость, твердость: козакъ неукротимъ и грубъ на войнѣ, въ товариществѣ, но въ семействѣ онъ человѣкъ. Начался всеобщій ропотъ: всѣ обвиняли Наливайку и Лободу въ томъ, что они завели ихъ туда. Лобода, бывши столько лѣтъ идоломъ подчиненныхъ, идеаломъ козацкой жизни, подъ конецъ лишился довѣренности братьевъ и всей своей чести. Отъ него отняли начальство и на мѣсто его избрали Кремскаго. Новый предводитель предложилъ козацкой Радѣ сдаться Жолкъвскому, съ условіемъ забыть всѣ неудовольствія, бывшія между Поляками и Малороссіянами, и никого не казнить, кромѣ главныхъ зачинщиковъ. Ужъ невозможно было болѣе терпѣть: кучи гниющихъ человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ причинили въ козацкомъ станѣ заразу; пищи никакой не было. Надобно на что — нибудь рѣшиться: козаки сдались. На другой день Жолкъвскій заключилъ съ ними слѣдующія условія:

- 1.) Козаки могутъ разойтись по домамъ; но безъ воли

короля не должны собираться въ строи, выходить въ походы и избирать предводителей.

2.) Пушки, знамена, порохъ, военные запасы и скарбину должны отдать Жолкъвскому.

3.) Наливайка, Лободу съ другими предводителями—Мазеною и Кизимомъ, выдать.

Все было исполнено. Козаки вышли изъ своихъ окоповъ блѣдные и чахлые и повергли къ ногамъ Жолкъвскаго булаву гетьмана Наливайка, два богатыхъ знамени съ гербомъ нѣмецкаго императора, третье знамя съ гербомъ седмиградскимъ, серебрянныя литавры и трубы, дары Рудольфа и Максимилиана; тридцать одна пушка досталась побѣдителямъ. Наливайка и Лободу съ другими осужденными повезли окованныхъ цѣпами въ Варшаву, гдѣ посадили въ тюрьму. Патеръ Янчинскій рассказываетъ, что во время содержанія Наливайка въ темницѣ надъ головою его день и ночь стояли воины съ топорами; едва только онъ начиналъ засыпать, они тотчасъ пробуждали его обухомъ, и такъ мучили его разнымъ образомъ. О казни всѣхъ четырехъ предводителей говорятъ разнo. Янчинскій рассказываетъ, что Наливайка посадили верхомъ на раскаленнаго желѣзнаго коня и увѣнчали раскаленнымъ желѣзнымъ обручемъ. Конискій иначе повѣствуетъ объ ихъ казни, — съ нимъ сходно говорить и народная пѣсня: Наливайка, Лободу, Мазену и Кизима, при огромномъ стеченіи народа, бросили въ мѣднаго быка; этаго быка поджигали нѣсколько часовъ медленнымъ огнемъ, пока слышенъ былъ крикъ несчастныхъ; потомъ пламя охватило всю машину, и

когда потушили его и отворили мѣднаго быка, тѣмъ стра-
дальцевъ обратились въ пепелъ. (*)

Присудили Ляхи Наливайка

Уволу спалити;

Присудили усі козаченьки

Ляхамъ вѣдомстити.

Н. Кастомаровъ.

15 Декабря 1841. Харьковъ.

(*) При составленіи этого разсказа сочинитель руководствовался преимущественно Лубенскимъ, Ячвинскимъ, Нѣмцевичемъ, Малороссійскимъ лѣтописцемъ и народными пѣснями.